

Вэй Хуань не ответила, лишь отыскала в ящичке шёлковый цветок и, приблизившись, принялась вдевать его мне в причёску. Цветок был бледно-фиолетовым пионом, не столь пышным, как принято во дворце, но благодаря цвету отнюдь не бедным. Я замерла, позволив ей водрузить цветок, и лишь спустя долгое время дрогнувшим голосом спросила: «Почему... вдруг решила цветок воткнуть?» Она что, меня любит? Или нет? Зачем вдруг такой интимный жест? Мой наряд сегодня в порядке? Чёрт, надо было перед выходом получше разглядеть себя. Может, во время возни волосы растрепались, и она под видом цветка просто поправляет? Но обычно она так не церемонится — часто же причёсывает меня, имеет право. Просто взяла бы да поправила.

Вэй Хуань, наклонившись, окинула меня взглядом и сказала: «Навещающая больного, негоже в ярком ходить, но и совсем уж просто — тоже не к добру. Цветок оживит.»

Тут до меня дошло, и стало даже чуть обидно. Но потом я усмехнулась ей в ответ: «Ты тоже скромно одета — тоже надень цветок.» Не дав ей опомниться, я выхватила из ящичка светло-розовый пион и, прижав её к сиденью, scomандовала: «Сиди, я тебе вставлю.»

Она слегка попыталась вывернуться, но тут же покорилась, усевшись прямо и слегка склонив голову, сама поправила волосы, открыв правое ухо. Увидев, какое оно у неё маленькое и изящное, словно вырезано из яшмы, я не удержалась и дотронулась до него. В тот же миг она покраснела до самых мочек, взметнула на меня взгляд и снова опустила голову: «Скоро приедем, не мешай.»

Я сказала: «Не мешаю. Просто вижу — серьги можешь носить. Почему не носишь?»

Она ответила: «Непривычно мне в них.»

Я промычала что-то вроде «а» и принялась соображать, как бы подсунуть ей пару серёжек, а рука меж тем дрожала, вдевая цветок. С нескольких попыток удалось, и, поправив раз-другой, я поняла: куда ни поставь — ей всё к лицу. Она, устав от наклона, спросила: «Ну что, готово?»

Я ответила: «Готово.»

Она достала из ящичка зеркальце, погляделась и нахмурилась: «Криво же?»

Я присмотрелась — и впрямь криво. Смущённо пробормотала: «Немного... но красиво!» Боясь, что она расстроится, потянулась поправить, но она уже убрала зеркало и улыбнулась: «Коли тебе нравится — пусть так и будет.» Как раз в этот момент экипаж остановился, и мы вышли.

Отец Цуй Мин-дэ уже ожидал нас у входа с нею самою. Увидев, что та одета в светло-розовое, а плиссированная юбка её усыпана вышитыми персиковыми цветами, я поняла, что с госпожой Цуй всё в порядке, и улыбнулась ей. Отец, обменявшись со мною приветствиями и парой светских фраз, тут же удалился. Лишь оставшись в компании подруг, я почувствовала себя свободней, взяла Цуй Мин-дэ под руку и рассмеялась: «Эрнян, сколько зим, сколько лет!»

Цуй Мин-дэ ответила улыбкой, непринуждённо спросив: «Давно не виделись. Как поживаешь, Эрнян?» Затем взглянула на Вэй Хуань: «Вэй Синянь, как ваши дела?»

Симпатия моя к ней возросла ещё больше. Взяв под руки и Цуй Мин-дэ, и Вэй Хуань, я вошла в дом, расспросила вкратце о состоянии её матери и добавила: «Можно ли навестить госпожу?»

Цуй Мин-дэ ответила: «Матушка уже значительно лучше, не беспокойтесь.» Провела нас через главный зал в глубину усадьбы. Я удивилась: «Почему не в передних покоях?»

Цуй Мин-дэ объяснила: «Это дом деда. Главный зал отведён для деда и бабушки.»

Тут я вспомнила о родовых порядках знатных семей — главный зал пустует в ожидании главы рода — и последовала за Цуй Мин-дэ в задний двор. Вдали уже виднелась госпожа Цуй, в полном облачении, в окружении толпы служанок и мамок, стоящая у ворот внутреннего двора. Я ахнула: «В такую-то жару, госпожа, да вы же нездоровы! Не нужно было выходить! Если вам хуже станет — это на мне грех!» Тут же велела служанкам поддержать её и проводить внутрь, но она настояла, чтобы сперва совершила положенный поклон. Лишь после взаимных приветствий позволила себя поднять и проводить.

Внутри уже были приготовлены чай, вино, фрукты и сладости, стояли ледяные глыбы и сосуды со льдом, а несколько человек обмахивали нас большими веерами. Прохлада была куда приятнее дворцовой, где от льда зуб на зуб не попадает.

Цуй Мин-дэ весьма походила на мать: та же худоба, та же белизна. Госпожа Цуй с первого взгляда была женщиной строгой и не склонной к улыбкам, держалась чопорно и прямо, и даже в болезни, в своих покоях, не позволяла себе ни малейшей расслабленности. Она усадила меня на почётное место, и лишь после моих настойчивых уговоров села рядом. Цуй Мин-дэ стояла подле матери, вытянувшись в струнку, и улыбки их были словно вымерены одним углом — и ласковые, и отстранённые одновременно.

Я, соскучившись по подругам, готова была излить кучу слов, но под взглядом госпожи Цуй язык не поворачивался сказать что-либо, кроме как вежливо осведомиться о ходе болезни, о принимаемых снадобьях и рецептах, не нужно ли чего, и передать список подношений — я-то готовилась как подруга и ровня, дары подбирала обыденные, а теперь заробела: вдруг госпожа Цуй сочтёт их недостойными? Однако та приняла список со всей учтивостью, поблагодарила, посидела недолго, сославшись на недомогание, извинилась и велела Цуй Мин-дэ развлечь меня в саду. Я только того и ждала, вскочила было, но, поймав взгляд Вэй Хуань, сбавила пыл, произнесла несколько церемонных фраз и позволила госпоже Цуй с неспешной важностью проводить меня до дверей. В саду я невольно вздохнула с облегчением и, боясь, что Цуй Мин-дэ заметит, поспешила взглянуть на неё. Та же делала вид, что ничего не замечает, медленно обмахиваясь перьевым веером, и говорила: «Беседка эта невысока, но для любования цветами подходит. Да и прохладно здесь. Если хотите, Эрнян, Синян, поднимемся?»

Мы с Вэй Хуань последовали за ней по тропинке, вьющейся среди искусственных холмов. И вправду, ветерок был приятный, сидеть — одно удовольствие. Увидев в беседке столик для цитры, я спросила: «Часто здесь играешь, Эрнян?»

Цуй Мин-дэ ответила: «Время от времени.» Легким взмахом руки подозвала служанку, та принесла цитру. Цуй Мин-дэ пригласила нас сесть рядом, коснулась струн нежными пальцами — и полились чистые, звонкие звуки, будто вода журчит. Мелодию я не узнала. Взглянула на Вэй Хуань, та наклонилась ко мне и шепнула на ухо: ««Ваньсуйюэ». На пирах частенько играют.»

Я улыбнулась: «Прекрасная мелодия. Почему во дворце не слышно?»

Вэй Хуань усмехнулась: «Во дворце — подданные, а не гости.» Тут я заметила, что Цуй Мин-дэ как бы невзначай взглянула в нашу сторону. Решив, что мы мешаем ей шёпотом, я тут же выпрямилась и сделала серьёзное лицо, слушая музыку. Но Цуй Мин-дэ снова скользнула взглядом мимо нас — и взгляд этот был необычен, не её обычный, отстранённый. Обернувшись, я увидела: Дугу Шао, подхватив подол светло-фиолетовой кофты, крупными шагами поднимается к нам. В несколько прыжков она оказалась наверху, взметнула юбку и,

сложив ладони, поклонилась: «Эрнян, Синян.» Затем кивнула Цуй Мин-дэ: «Цуй Вторая.»

Цуй Мин-дэ, только что смотревшая на неё, теперь сделала вид, что не замечает, и полностью погрузилась в музыку. Дугу Шао ничуть не смутилась, уселась рядом со мной и весело сказала: «Увидела у ворот экипаж — подумала, не ты ли. Сколько месяцев, Эрнян, не виделись! Как поживаешь? Выберемся как-нибудь за город, верхом прокатимся?»

Мне нравилась её бесцеремонность, и я, ответив поклоном, рассмеялась: «Раз Шилюнян говорит — я жду приглашения! Давно собиралась навестить госпожу Цуй, да всё боялась, визитом потревожу, вот и откладывала.» Заметив, что служанки не подносят ей чай, я подвинула свою чашку: «Я ещё не пила, бери.»

Дугу Шао с усмешкой взглянула на Цуй Мин-дэ. Та как раз закончила играть, встала и подошла, усевшись рядом со мной. Незаметно она вернула мою чашку на место. Тут служанка как раз поднесла Дугу Шао свежесваренный чай, но та, обойдя Цуй Мин-дэ, взяла мою чашку и залпом осушила её. Поставив чашку, рассмеялась: «Жара сегодня! Одолжила у Эрнян остывший чай, не взыщи.»

Я улыбнулась: «Пустяки, пустяки.» Но после её слов и впрямь захотелось пить. Потянуться за чаем — а моя-то, остывшая, уже пуста.

<http://bllate.org/book/16278/1466430>